
РАКУРСЫ

И.В. КУДРЯШОВА, А.С. КОЗИНЦЕВ*

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОГО ОПЫТА¹**

Аннотация. В статье представлен взгляд авторов на природу этноконфессиональных конфликтов в ближневосточных государствах, возможности их урегулирования и последующей трансформации. Выдвинута гипотеза, что наблюдаемый в настоящее время рост вооруженной конфронтации в значительной степени обусловлен нарушением сложившихся в имперский период режимов управления перифериями. В связи с этим исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: может ли соответствующий имперский опыт быть использован для разработки институциональных решений этноконфессиональных конфликтов в странах региона – и если да, то каким образом. Решение этой задачи потребовало определить имперское политическое пространство в логике структурно-функционального подхода: выявить его основные элементы (ядро, полупериферии, полуядра и глубокие периферии) и охарактеризовать взаимосвя-

* **Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru; **Козинцев Александр Сергеевич**, преподаватель кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20–011–00922 А.

DOI: 10.31249/poln/2021.02.05

зи между ними. Показано, что в результате формирования суверенных арабских государств происходило разрушение пространственных и функциональных зависимостей между этими элементами, оборачивающееся при уменьшении ресурсов государственного патронажа ростом конфронтации между этноконфессиональными сегментами. Гипотеза верифицирована путем сравнительного анализа ряда конфликтов в предположенной рамке. Сделан вывод, что их эффективное институциональное решение предполагает опору на принципы децентрализации государственной власти и структурного плюрализма, использование которых дает возможность перезапустить «спящие» имперские практики с целью ослабления этноконфессиональной конфронтации и укрепления легитимности государства. Среди различных реформ государственного устройства, позволяющих добиться комплементарности формальных и неформальных институтов, отмечены федерализация, функциональная и территориальная автономия, консоциализм, развитие местного самоуправления и некоторые другие.

Ключевые слова: этноконфессиональный конфликт; национальное государство; этнокультурная разнородность; Ближний Восток; имперское управление; имперское пространство; формальные и неформальные институты.

Для цитирования: Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>

Национальный проект, вроде бы успешно осуществлявшийся на Ближнем Востоке¹ совсем недавно, в настоящий период превратился в объект сомнений и критики. О кризисе или даже крахе арабской «системы наций-государств» пишут многие российские и зарубежные авторы, обращая внимание на различные причины и проявления этого процесса [см., например: Наумкин, 2019; Кузнецов, 2019; Lust, 2018; Salloukh, 2017].

Одним из таких проявлений стал рост этноконфессиональной конфронтации: на смену межгосударственным конфликтам, как отмечает И. Звягельская, пришли внутренние, развивающиеся в рамках традиционных идентичностей [Звягельская, 2017, с. 17]. Если до 2000-х годов терпимость, поддерживаемая традицией длительного сосуществования различных сообществ, была гораздо более распространенным явлением, чем насилие, и многие правящие арабские элиты пытались создать хотя бы видимость равенст-

¹ Под Ближним Востоком в настоящей статье понимаются арабские страны Западной Азии и Северной Африки.

ва [Вуман, 2014, р. 79], то с началом «арабской весны»¹ был запущен обратный процесс.

Этот процесс, который мы, имея в виду качественно новый уровень политизации этнокультурных сообществ, назвали бы новым сектарианизмом, принял наиболее отчетливые формы в Египте, Сирии, Бахрейне, Йемене, а также в уже затронутых им ранее Ливане и Ираке. Рост протестной активности и ослабление политического контроля центра (а вместе с ним и идеи государственного национализма) предоставили общинам возможность публично заявить о старых и новых обидах и претензиях, а также усилили их роль как механизма безопасности и жизнеобеспечения для своих членов, что во многих случаях привело к появлению альтернативных систем власти и лояльности.

Одновременно и в Ираке, и в Сирии, и в Йемене происходило укрепление позиций международных джихадистских организаций, известных своей антишиитской пропагандой и отрицанием национального государства как такового путем конструирования квазирелигиозного дискурса о возрождении халифата.

Конфессиональную окраску тем или иным конфликтам стала придавать и борьба за региональное лидерство между Саудовской Аравией (КСА) и Ираном, пытающимися легитимировать свои действия с помощью религиозной риторики. Например, активно вовлеченные в йеменский конфликт КСА и ОАЭ рассматривают враждебное им движение хуситов в контексте иранской (шиитской) политической экспансии, игнорируя его внутренние истоки [Серебров, 2019, с. 299]. Усилению политизации этноконфессиональных размежеваний в арабских странах способствовали и действия других держав (в частности, Турции), преследующих свои национальные интересы.

Безусловно, современный ближневосточный сектарианизм имеет композитную природу. Мы попытаемся провести анализ его институционального измерения – и оценить возможные пути ослабления этноконфессиональной конфликтности путем институциональных реформ.

¹ События «арабской весны» 2010–2012 гг. рассматриваются авторами главным образом как кризисы развития, ставшие следствием несбалансированных модернизационных реформ и эффектов глобальной политической динамики.

Формулируя исследовательский вопрос

Вопрос об институциональных реформах целесообразно, по нашему мнению, осмыслить в сравнительно-историческом контексте, т.е. не только в национально-государственной, но и в имперской логике. Основанием для такого подхода служит институциональная слабость суверенных арабских государств, которые появились на Ближнем Востоке в результате трансплантации, осуществленной западными метрополиями. На момент образования они представляли собой скорее произвольно демаркированные территориальными границами социальные поля, в которых шла борьба различных общественно-политических сил за формирование (а затем консолидацию) властной иерархии [см.: Saouli, 2006; Ayubi, 2008]¹. В этих условиях признание особых интересов и требований инокультурных сообществ означало ослабление выстраиваемой иерархии и угрозу территориальной целостности; альтернативой расширению политического участия стали силовой контроль и неформальные сделки с представителями традиционных элит на местах (исключение – Ливан, где разделение власти между этноконфессиональными общинами было предопределено историческими особенностями развития ливанского общества). Национальное строительство осуществлялось в рамках идеологии государственного национализма, которая в ряде случаев явно или неявно выражала мировоззрение и интересы политически доминирующего сегмента (например, христиан-маронитов в Ливане или арабов-суннитов в Ираке).

Слабые государственные институты могут сдерживать этноконфессиональные конфликты посредством насилия, но неспособны обеспечить их долгосрочную трансформацию [Lederach, 1997]. Обострение социально-политической конфронтации происходит при кризисах, порождаемых ускоренной модернизацией: политические организации и процедуры, не имеющие достаточной ценности и устойчивости, не в состоянии обеспечить социальную интеграцию и лояльность государству в период, когда политическая система сталкивается с острым дефицитом ресурсов [Хантингтон, 2004].

¹ В Европе, как отмечает Дж. Стрейер, нации-государству «потребовалось четыре-пять веков, чтобы преодолеть свои слабости, исправить административные недостатки и довести вялую лояльность национализму до неистовства» [Strayer, 2005, p. 60].

Подобный дефицит культурных, политических и экономических ресурсов обнаружился в большинстве стран региона еще перед «арабской весной». Согласно индикаторам качества управления Всемирного банка (*World Governance Indicators*), на протяжении 2000-х годов эффективность правительственных институтов, верховенство закона и сдерживание коррупции в арабских республиканских системах оставались низкими и в целом были существенно хуже, чем в монархиях Персидского залива и Иордании, уделявших значительное внимание повышению уровня государственного управления.

С кризисами, как известно, связывается и перспектива структурных реформ, поскольку в условиях десинхронизации системы и среды параметры, ранее ограничивавшие вариативность политического курса, могут быть изменены. Кризис открывает возможность для озвучивания новых идей, поиска и апробации политических опций, которые могли бы завоевать широкую поддержку. Однако не любая опция способна получить институциональное закрепление, а лишь та, которая имеет корни в историческом опыте [Патцельт, 2012], что заставляет нас обратить внимание на имперские режимы управления этноконфессиональной разнородностью на Ближнем Востоке. Ч. Тилли не случайно называет империи «выносливыми тварями» (*hardy beasts*): по его мнению, «грубая простота имперских систем делает их пригодными для многих социальных сред» [Tilly, 1997, p. 4].

Вместе с тем мы не принижаем значимость арабского национального проекта, точнее, проектов: современные государственные институты стали привычной реальностью, а национальная идентичность обрела ресурсы для конкуренции со своими «соперниками» [Кудряшова, 2017]. Кроме того, государству, учитывая выполняемый им комплекс социальных функций, в настоящее время просто нет альтернативы.

Конечно, режимы имперского управления не могут быть точно воспроизведены в арабских полициях постимперского пространства, — последние, будучи сформированными в логике национально-государственного строительства, вынуждены заниматься территориально-политической консолидацией центра и границ [см., например: Rokkan, 1975; Bartolini, 2005]. Однако анализ их функционирования способен подсказать альтернативные, менее инвазивные и менее ориентированные на конфликт, пути к государственному контролю.

В свете вышеизложенного исследовательский вопрос представляется логичным сформулировать следующим образом: может ли имперский опыт управления этнокультурной разнородностью быть продуктивно использован для разработки институциональных решений этноконфессиональных конфликтов в странах региона – и если да, то каким образом.

В качестве основных теоретико-методологических подходов в статье использованы институционализм в его различных версиях, структурный функционализм и сравнительно-исторический анализ. «Институциональный акцент» имеет закономерный характер: опираясь на базу данных об этнических группах в системе властных отношений¹, ученые приходят к выводу, что конфликтные ситуации порождает не этнокультурная разнородность сама по себе, а определенные конфигурации власти. Высокие риски могут быть обусловлены: (а) исключением из политики значительной части населения по этническому признаку, (б) большим количеством разделяющих власть конкурирующих элит, (в) внутренней разьединенностью государств, имеющих недостаточный опыт прямого управления [Wimmer, Cederman, Min, 2009, p. 317]. Если соотнести эти выводы с современными арабскими реалиями, то иллюстративными примерами к ним могут быть: (а) Ирак (исключение курдского сегмента при С. Хусейне и арабов-суннитов после его свержения), (б) Ливан (многочисленность вето-игроков – элит общин и связанных с ними внешних акторов – создает серьезные препятствия для любого движения в сторону от статус-кво) и (в) Йемен (объединение Северного и Южного Йемена произошло в 1990 г.).

Империя и управление этноконфессиональным многообразием

Теме империй посвящена обширная научная литература; среди работ по поздней Османской империи и формированию национальных государств следует выделить актуальные для нашей проблематики труды К. Карпата, Р. Хиннебуша, К. Барки и У. Макдиси [см., например: Karpat, 2001; Barkey, 2008; Hinnebusch, 2011; Makdisi, 2000].

¹ Ethnic power relations 3.0. – Mode of access: <http://www.epr.ucla.edu/> (accessed: 29.10.2020).

Империи – крупной сложносоставной политике – не свойственна территориальная определенность, ее развитие осмысляется в категориях пространства. Применительно к ней исследователи чаще пишут не о территориальных границах, но о фронтирах – контактных зонах приграничья, которые, по мнению Б. Хопкинса, осваиваются ядром путем конструирования обычаев и традиций, позволяющих сделать проживающие там народы «узнаваемыми» (*knowable*) и тем самым управляемыми [Hopkins, 2020, p. 5–8].

Важная задача империи – удержание входящих в нее сегментов. Ввиду гетерогенности и больших расстояний она не склонна к политической и культурной унификации и не стимулирует внутренних изменений периферии. Ее устраивает административный контроль, для сохранения которого центру удобнее заключать пакты с органами власти каждого сегмента и управлять через посредников, предоставляя им значительную автономию и гарантии безопасности в обмен на лояльность, сбор дани и военное сотрудничество. При этом имперские системы демонстрируют выдающуюся долговечность [Lieven, 2000; Tilly, 1997].

Османская империя была организована по принципу «веерной модели» (*hub-and-spoke model*) и аккомодировала локальную власть, не включая в ядро представителей периферийных элит. К XIX в. такая система более не позволяла ей противостоять давлению европейских держав. Постепенное расчленение империи требовало усиления административного контроля центра.

Начало модернизационных реформ исследователи связывают с правлением Махмуда II (1808–1839), который смог приступить к ним после долгой подготовки, включавшей продвижение преданных сторонников на ключевые позиции в службе чиновников-писцов, иерархии улемов и армии и установление контроля над полунезависимыми *аянами* (нотаблями) в Анатолии и на Балканах (в арабских вилайетах этот процесс начался только в 1840-х годах) [Zürcher, 2003, p. 30–31]. Главным посылом преобразований было создание сильной армии европейского образца, что влекло за собой и перестройку других сфер.

В целом реформы этого этапа, как и значительно углубившего их Танзимата («благотетельных реформ» 1839–1876 гг.), были направлены на переход к призывной армии, централизацию управления, формирование профессиональной бюрократии, введение прямого налогообложения, развитие светского образования, строительство

коммуникаций и правовую реформу. Централизация управления предусматривала сокращение полномочий губернаторов путем назначения чиновников, несущих прямую ответственность перед Портой, направление инспекций и создание на провинциальном и субпровинциальном уровнях консультативных советов из числа уважаемых лиц, включавших местных нотаблей и представителей *миллетов*¹. Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. декларировал сохранность жизни, чести и имущества подданных, а также их равенство перед законом независимо от вероисповедания и этнической принадлежности. В 1876 г. была принята конституция, учредившая законосовещательный парламент.

Создание новой армии и бюрократического аппарата, поддерживаемого современной образовательной системой, позволили центру усилить административный контроль над периферией. Однако реформы продвигались медленно и не всегда продуманно. Например, ограничение автономии губернаторов обернулось снижением эффективности управления провинциями и было отменено. Заметное сворачивание реформ произошло при Абдул-Хамиде II (1876–1909), усилившем свою власть султана-халифа в противовес расширявшимся полномочиям бюрократии (правительства). По мнению Э. Цюрхера, причины этого были следующие:

- не было достаточного числа подготовленных и надежных кадров (например, переход от системы откупов к прямому налогообложению проводился через *аянов*, которые были его противниками);
- реформы шли «сверху» и не имели массовой поддержки;
- рационально-легальное управление не могло «отменить» патримониальной системы и клиентел, характерных для «классической» Османской империи;
- новые институты (за исключением армии, пришедшей на смену корпусу *янычар*) не ликвидировали старых (вводимые европейские нормы сосуществовали с исламским правом без четкого разграничения сфер юрисдикции);
- отсутствовала экономическая и финансовая база реформ [Zürcher, 2003, p. 45–46].

Среди имперских механизмов управления этноконфессиональной разнородностью особый интерес представляют различные

¹ Миллет – община османских подданных немусульманских вероисповеданий; основными миллетами были иудейский, греческий (православный) и армянский.

формы автономии. В частности, разновидность территориальной автономии была предоставлена курдам, которые как жители фронта выполняли важнейшую функцию обеспечения безопасности империи от российской и персидской угрозы, а также от сепаратистских движений. Они имели право наследования земли и до начала 1850-х годов сохраняли свои политические образования – эмираты, самым крупным из которых был эмират Бабан, с центром в Сулеймании (современный Ирак). После их упразднения в ходе Танзимата центр так и не смог организовать прямое управление этими труднодоступными областями через назначаемых губернаторов, и ему пришлось вновь заключать неформальные договоренности сначала с влиятельными суфийскими шейхами, а после их мятежей – с лидерами племен; в 1890 г. в лояльных племенах было разрешено формирование милиций, которые включались в османскую армию [Atmaca, 2017].

Нетерриториальную автономию представляла собой система *миллетов*, которая обеспечивала аккомодацию и инкорпорацию немусульманских меньшинств, обладавших различными социальными структурами. В обмен на регулярную уплату налогов и лояльность она позволяла делегировать власть духовным лидерам, которые выступали посредниками между представителями султана и своими общинами на центральном и на локальном уровнях. За миллетами сохранялись культурная и социальная автономия и самоуправление (язык, школы, церкви, больницы, кладбища). Посредники выполняли значительный объем управленческих функций, в том числе регулировали конфликты в самом сообществе и в сфере межобщинных отношений.

Османской империи удалось сбалансировать формы религиозной и мирской легитимации власти. Официально она была исламской империей, но ни шариат, ни улемы не определяли государственную политику: ислам был важнейшим, но не единственным источником легитимности и идентичности. Мехмед Завоеватель начал, а Сулейман Великолепный упрочил кодификацию обычного права, которое в период Танзимата стало заменяться европейскими нормами. Структура отношений между государством и религией способствовала одновременно сохранению разнообразия и адаптивности [Barkey, 2014].

Проживающие в империи христиане-иностранцы пользовались покровительством султана (*аман*); позднее их права были закреплены в договорах между империей и иностранными державами (капитуляциях).

Структура имперского пространства и режимы управления этноконфессиональной разнородностью

Закон о провинциях 1864 г. ввел иерархию административного управления (провинция (*вилайет*) – область (*санджак*) – район (*када / каза*) – сельское сообщество (*нахия*) – деревня (*карья*)), однако эффективность и формы координации в этой системе зависели от конкретных людей во главе вертикали [Zürcher, 2003, р. 60–61]. Более плодотворным с точки зрения понимания факторов обострения этноконфессиональной конфликтности в будущих ближневосточных национальных государствах нам представляется подход к имперскому пространству как к конфигурации власти, образуемой многомерными политическими взаимодействиями субъектов, имеющими как институциональное, так и символическое выражение. Такой подход позволяет взглянуть на эти взаимодействия в рамках следующей структуры:

- ядро – военно-административный центр империи;
- полуядро – крупные города, центры провинций, которым делегируется управление «негородским» местным населением в пределах административной единицы и которые могут обладать исторически сложившимися практиками управления иными политическими образованиями;
- промежуточная периферия – территории, преимущественно контролируемые полуядрами и организованные в подчиненные им административные единицы;
- глубокая периферия – территории, управление которыми в силу неразвитости коммуникаций, особенностей географического ландшафта или иных причин строится на основе прямых неформальных соглашений с ядром. Часто они являются местами компактного обособленного проживания этноконфессиональных меньшинств.

Режимы имперского управления складывались в ходе (1) достижения консенсуса в распределении полномочий между ядром и полуядром и (2) установления коммуникаций между полуядром и промежуточной периферией в пределах административных единиц. Подобные многоуровневые отношения представляли собой сложную систему контроля, который ядро обеспечивало путем договоренностей с местными элитами и поддержания баланса между разными уровнями административного соподчинения. В частности, формально закрепленные полномочия губернаторов,

включая право на использование насилия, практически всегда были уравновешены авторитетом представителей местных общин.

Гомогенизация режимов административного управления сопровождалась действиями по закреплению управления этнокультурной разнородностью на уровне провинций и входящих в нее единиц (выше мы отмечали формирование системы консультативных советов). Причиной этого стратегического решения стали многочисленные поражения в войнах, ряд внутривосточных кризисов (вооруженные конфликты с правителем Египта) и экспансия европейской модели нации-государства, которая шла через Балканы. В символической сфере ядро формировало общее пространство с полуядрами, апеллируя к традиционным исламским ценностям, включая принцип мирного сосуществования людей Писания. В период Танзимата оно предпринимало попытки предложить и новую имперскую панидентичность (османскую, а затем пантюркскую) на основе принципа гражданства, однако они оказались неудачными. Зато миллеты под влиянием модернизационных реформ сформировали параллельные нерелигиозные администрации и представительные структуры.

Полуядра, где сложилась собственная бюрократия, становились центрами объединения сегментированных территорий, создавая новые конфигурации центров и периферий, элит и локальных сообществ, разнообразных историко-культурных традиций (например, Каир и Александрия в Египте, Багдад и Мосул в Ираке, Дамаск и Алеппо в Сирии). Организованное насилие, повторяемость финансовых и экономических операций, развитие инфраструктуры между полуядрами и полуперифериями способствовали закреплению доверия вне рамок семьи или клана. Это влекло за собой и формирование региональных идентичностей – будущих государственных арабских национализмов. Локальные идентичности сообществ промежуточной и глубокой периферии (семейные, клановые, племенные) не могли самостоятельно трансформироваться в «национальные» из-за неформальных и неинституционализированных взаимодействий их субъектов, препятствующих появлению общих идей и убеждений.

Одновременно в имперском пространстве начался процесс замещения собственного ядра внешними – европейскими. В его основе лежали два фактора: систематическое нарушение в ходе модернизации сложившихся договоренностей между ядром и по-

луядрами (см. выше), что влекло за собой дестабилизацию периферий, и значительный рост западного влияния. Европейские державы, заключая в обход Порты торговые договоры с городами глубокой и промежуточной периферии, способствовали переориентации их экономических связей с имперского ядра на себя.

Исходя из проведенного анализа, мы предложили бы рассмотреть новый сектарианизм на Ближнем Востоке как результат нарушения связей, сложившихся между ядром (Я), полупериферией (П/Я), промежуточной периферией (П/П) и глубокой периферией (Г/П). В основу нашего подхода положен критерий принадлежности этнокультурных сегментов к тем или иным структурным элементам имперского пространства, что позволяет выделить следующие паттерны: (а) в тех национальных государствах, где стратегии урегулирования конфликта согласуются с историческими моделями управления имперским пространством, управляемость разнородностью оказывается эффективной; (б) там, где стратегии урегулирования конфликта явно противоречат исторической модели управления имперским пространством, наблюдается открытое затяжное противостояние; (в) в случаях, когда стратегия урегулирования конфликта реализуется в отсутствие какой-либо исторической модели управления имперским пространством (это касается сегментов Г/П), происходит распад / сецессия. Этнокультурная принадлежность понимается нами функционально – как совокупность взаимосвязанных институтов (обычаев, ритуалов, моральных норм), призванных регулировать отношения между индивидами и удовлетворять их потребности.

Проблемы и решения

Учитывая ограничения, налагаемые объемом статьи, мы сосредоточим внимание на случаях нового (и одновременно старого) сектарианизма в двух национальных государствах Ближнего Востока – Сирии и Ираке, что позволит протестировать предложенную логику анализа и проиллюстрировать выделенные выше паттерны.

Таблица

**Этноконфессиональные конфликты в Сирии и Ираке
как следствие нарушения пространственной зависимости
между элементами имперских структур**

Современная полития	Элементы имперских режимов управления	Характер контроля полуядра (П/Я) над промежуточной периферией (П/П)	Этнокультурные сегменты	Конфликт	Интерпретация конфликта в логике нарушения пространственной зависимости между элементами имперских структур (Я – П/Я – П/П – Г/П)
1	2	3	4	5	6
Сирия	П/Я: Дамаск Алеппо П/П: Ракка Племенные территории Бадии (сирийская степь) Хомс Хама Г/П: Сувейда Тартус Латакия Курдские анклавы северо-востока	Символический: Практики неформального подчинения ослабляются конкуренцией П/Я и намеренной политикой отказа от исторического наследия Военно-политический: Сильный аппарат принуждения → Закрепление авторитарных практик / авторитарная модернизация Фискальный: Слабый аппарат налогообложения → конфликтность и падение лояльности со стороны сегментов	Арабы-сунниты Алавиты Курды Друзы Исмаилиты	Гражданская война в Сирии (2011 – н. вр.)	П/Я–П/Я: Нарушение комплементарности между Дамаском (1) (политический ресурс) и Алеппо (2) (экономический ресурс); Открытый конфликт П/Я (2) за доступ к распределению ресурсов П/Я–Г/П: а) Разрушение контроля Г/П (Латакия) над П/Я (1); б) Открытый конфликт Г/П (Джебель-Друз и Сирийского Курдистана) за доступ к распределению ресурсов Г/П–Г/П: Латентный конфликт между Г/П (Латакия) с Г/П (Джебель-Друз и Сирийский Курдистан) за доступ к распределению ресурсов
				Конфликт между Турцией и сирийскими курдами	Я–Г/П: Открытый конфликт бывшего имперского Я-Г/П (северо-восток Сирии)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
Ирак	П/Я: Багдад Мосул П/П: Племена провинции Анбар Киркук Сулеймания Г/П: Басра	Символический: Декларируемая политика отказа от исторического наследия Военно-политический: Слабый силовой аппарат → попытка закрепить представительство (опора на создание стимулов участия) Фискальный: Слабый аппарат налогообложения → попытка закрепить представительство (опора на создание стимулов участия) и рост влияния внешних моделей управления	Курды Арабы-шииты Арабы-сунниты Туркмены	Шиитское восстание в Ираке 1999 г.	П/Я–П/Я: Открытый конфликт одного П/Я (Басра) за контроль над распределением ресурсов П/Я–П/П: Открытый конфликт между шиитскими частями П/Я и П/П за восстановление баланса в системе распределения ресурсов
				Война в Ираке 2003–2011	П/Я–П/Я: Открытый конфликт между Багдадом и Мосулом за контроль над распределением ресурсов П/Я–П/П: Открытый конфликт за воссоздание баланса и выработку новых правил взаимодействия между сегментами П/Я и П/П П/Я–Г/П: Открытый конфликт за новые правила взаимодействия между П/Я, шиитами юга (Басра) и суннитскими племенами П/П П/П–Г/П: Соперничество между суннитскими племенами П/П и другими этнокультурными сегментами Г/П в том числе шиитами юга
				Гражданская война в Ираке (2014–2017)	Г/П–Г/П: Конфликт между Г/П (ИГИЛ) и другими этнокультурными сегментами за контроль над П/Я Г/П–П/П: Конфликт между Г/П (ИГИЛ) и другими этнокультурными сегментами за контроль над П/Я
				Конфликт между Турцией и иракскими курдами	Я–П/П: Открытый конфликт бывшего имперского Я над П/П

Источник: [Ибн аль-Аджаму, 1997]; [Akarli, 1993]; [Ali Abou-El-Haj, 2005]; [Andre, 1984]; [Farah, 2002]; [Mathee, 2003]; [Ochsenwald, 1984]; [Shaw, 1976].

Случай Сирии (гражданская война 2011 – н. вр.)

С середины XVI в. Османская империя выстраивала отношения с территориями современной Сирии через выделение П/Я (Дамаск и Алеппо) и неформальные договоренности с Г/П (Латакия, Тартус, Сувейда). Этот режим управления складывался посредством формирования городской элиты из образованных арабов-суннитов, занимавших ведущее положение среди других этноконфессиональных групп и составлявших большинство населения.

В ходе распада империи в начале XX в. фиксируются два параллельных процесса. С одной стороны, широкое распространение приобретает идея «Великой Сирии» как национального арабского государства; большинство этноконфессиональных сегментов П/Я и племен П/П признали лидерство сына шерифа Мекки и борца за независимость Фейсала ибн Хусейна, а Сирийский национальный конгресс закрепил независимость этих территорий. С другой стороны, вследствие административно-территориального разделения Сирии в 1916 г. на пять фактически независимых частей (Джебель-Друз, Алеппо, Латакия, Дамаск и Александретта) управление территорией стало приобретать конфессиональный характер.

Французская администрация была вынуждена сотрудничать с этноконфессиональными сегментами, составлявшими две трети сирийского населения [подробнее см.: Козинцев, 2018]. К 1940 г. правительству удалось совершить шаг в сторону «увязки» лояльности П/П и Г/П с интересами П/Я и внешнего Я метрополии.

В 1943 г. Сирия была провозглашена независимым государством. Последовавший за этим период характеризовался ростом националистических настроений, чему способствовали война с Израилем (1948), общая политическая нестабильность и череда военных переворотов. Новые сирийские власти отошли от османской и французской концепции отношений с сегментами в парадигме «государство в государстве», и механизмы управления стали принимать все более унифицированный характер.

В исполнительные органы власти и силовой аппарат стали проникать представители Г/П, прежде всего алавиты. Одновременно до 1958 г. правительство стремилось заместить систему межклановых связей формальными централизованными институтами. К 1963 г. барьер между урбанизированной и сельской частью

страны стал пронизан не только из-за развития инфраструктуры, но и из-за формирования в Бадии и Джазире отделений Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Последним проектом государственного и национального строительства в Сирии (1979–2000) стало создание неопатримониальной системы, в основе которой лежала личная преданность тогдашнему лидеру страны – Хафезу Асаду. Стремясь преодолеть конфликт между центром и периферией, он достиг взаимовыгодного компромисса между алавитским военным командованием, суннитской экономической элитой и племенами [см.: Козинцев, 2018].

Несмотря на сменявшие друг друга национальные проекты, задача П/Я оставалась неизменной: поддерживать управление сегментированной территорией. Его формы также не претерпевали существенных изменений: поиск легитимных посредников от сегментов, достижение с ними неформальных договоренностей, их реализация. Другими словами, политические отношения сохраняли патрон-клиентский характер и строились на основе компромисса центра с региональными элитами. Системное противоречие здесь кроется в попытке совмещения авторитарного контроля и централизации с имперскими институтами управления (как отмечалось выше, поддержание такого режима обеспечивается ресурсами государственного патронажа). Истощение ресурсов привело к протестам 2011 г., радикализации оппозиции и войне.

Гражданская война в Сирии, таким образом, оказывается совокупностью открытых противостояний между сегментами разных уровней вследствие разрушения политической монополии алавитов Латакии над Дамаском. Остановить распад страны помогла поддержка внешних ядер, однако она же дает Дамаску возможность сопротивляться предлагаемым институциональным реформам (в частности, федерализации).

Случай Ирака (шиитское восстание 1999 г., война в Ираке 2003–2011 гг., гражданская война в Ираке 2011–2014 гг.).

Механизм контроля со стороны османского ядра над территориями современного Ирака формировался через имперские П/Я – Багдад и Мосул. Управление осложнялось тем, что юго- и северо-восток современного Ирака был фронтиром, за контроль над которым велась борьба с Персидской империей. Персы стремились обеспечить контроль над преимущественно шиитскими районами Г/П, прежде всего стратегически важным городом Басра и имеющими

большое религиозно-символическое значение в шиизме городами Неджеф и Кербела. Между разнообразными этноконфессиональными сегментами двух империй велся торг, предопределивший траекторию развития будущих конфликтов.

В 1921 г. было провозглашено Королевство Ирак; до 1932 г. оно подпадало под действие мандата Лиги Наций, предоставившего Великобритании право определять внутреннюю и внешнюю политику страны. Как и в Сирии, там произошло замещение внутреннего имперского ядра внешним (Лондон), опиравшимся на договороспособное суннитское меньшинство.

Одновременно власти стремились повысить благосостояние влиятельных лидеров П/П. Их превращение в новый «политический класс» сопровождалось ослаблением связей с представителями племен «суннитского треугольника». Превращение глав племен П/П в крупных земельных собственников вело к ослаблению их влияния на собственные племена и к эрозии неформальных институтов. Революция 1958 г. упразднила монархию и привела к власти светски настроенных офицеров-националистов. Во временных конституциях 1958 и 1963 гг. (а позднее и в конституции 1970 г.) был, однако, закреплён статус ислама как государственной религии.

Пришедший к власти в 1979 г. С. Хусейн взял курс на формирование единой иракской нации, целенаправленно игнорируя межсегментные различия и разный неформальный статус регионов и городских центров Ирака. Выдвинутые им общенациональные проекты по ирригации и осушению болот, как и строительство «Плотины революции» в соседней Сирии, были в том числе направлены на установление контроля над этнокультурными сегментами – шиитами и «болотными арабами». Активно использовались практики насильственного переселения.

После ирано-иракской войны 1980–1988 гг., геноцида курдов и провала операции по аннексии Кувейта С. Хусейн, нуждаясь в укреплении символической легитимации власти, включил в националистический дискурс ислам и даже запустил в 1993 г. Национальную кампанию веры. Этот курс парадоксальным образом привел к усилению позиций шиитской иерархии – давнего противника режима с официальной суннитской идентичностью.

Игнорирование сложившихся балансов интересов между сегментами и чрезмерное использование насилия привели к череде новых конфликтов, первые признаки которых проявились в 1999 г.

В случае Ирака институциональные рамки урегулирования этноконфессиональных конфликтов были зафиксированы в конституции 2005 г., принятой после свержения С. Хусейна в результате антитеррористической операции во главе с США. К ним относятся: закрепление ислама в качестве государственной религии (что реабилитирует историко-культурное наследие и дополнительно легитимирует новую систему власти); демократические принципы; парламентская система со слабым премьер-министром; консociативные механизмы распределения власти; асимметричный федерализм.

Федерализм в стране в полной мере не реализован, но через создание Курдского автономного района (КАР) удалось обеспечить широкую автономию курдов; положение о верхней палате парламента открывает возможность для задействия – при возникновении необходимости – дополнительного механизма баланса сил. К элементам консociонализма относится распределение высших государственных постов и министерских портфелей между представителями трех основных этнокультурных сегментов. Среди особенностей конституции – положение о совместном управлении нефтегазовыми ресурсами федеральным правительством и органами власти нефтепроизводящих регионов и справедливом распределении доходов.

Несмотря на длительную политическую дестабилизацию и войну с террористической группировкой ИГ(ИЛ), курс Ирака на достижение комплементарности формальных и неформальных институтов можно оценить положительно. В настоящий период там удалось сформировать модель взаимодействия П/Я, П/П и Г/П, максимально далекую от модели силового централизованного контроля, воспроизводящей игру с нулевой суммой.

Заключение

Принадлежа к зоне позднего государственного образования, ближневосточные политии были вынуждены решать задачи модернизации путем авторитарного контроля и неформальной «платы за лояльность». Это повлекло за собой разрушение институционального равновесия, которое в поздний османский период поддерживалось через дифференцированные режимы управления

и корректировку модернизационных реформ ядра путем учета реакции полуядер и периферий. С развитием процессов глобализации и демократизации осуществление «классического» варианта арабского национального проекта усложнилось: набор инструментов и ресурсов государственного патронажа стал сокращаться, а проницаемость границ и внешнее давление – расти, что и вызвало к жизни новый сектарианизм.

Проведенное исследование позволяет заключить, что в интересах укрепления национального государства, социальную роль которого в регионе трудно переоценить, для урегулирования этноконфессиональных конфликтов возможно использовать институциональные решения, имеющие корни в османском опыте управления разнородностью. При незабытых неформальных правилах взаимодействия между различными элементами бывшего имперского пространства курс на достижение комплементарности формальных и неформальных институтов позволит укрепить легитимность политической системы в целом.

Это подтверждает случай Ирака, где с учетом пройденного пути независимого развития стала возможной уже не иерархическая, а скорее горизонтальная политическая организация со слабым центром. Роль гарантирующего эту систему имперского ядра перешла к внешним акторам – государствам Запада во главе с США.

Устойчивость подобной «слабой власти» иллюстрирует пример КАР: иракские курды вместе с национальной армией боролись с ИГ(ИЛ), не вышли из состава Ирака несмотря на итоги референдума о независимости 2017 г. и принимают достаточно активное участие в деятельности государственных органов власти (парламент и правительство). Улучшению политической ситуации в стране способствует и отмена решения о дебаасификации, т.е. политическая реабилитация суннитского сегмента.

Современные институциональные механизмы управления этноконфессиональной разнородностью (федерализм, территориальные и функциональные автономии, особый статус территорий, центрипетализм, консочионализм и другие) хорошо изучены [см.: Метаморфозы ..., 2020]. Консоочионализм как формализованная историческая практика функционирует в Ливане и в настоящий период не имеет альтернативы. Его «культурная наполняемость» видится отдельной проблемой, решение которой во многом зависит от позиций элит этноконфессиональных общин. Очень важную

роль в обеспечении институциональной комплементарности играют эффективность формальных институтов, развитие легитимирующих национальный проект дискурсов и международная поддержка.

Список литературы

- ибн аль-Аджам* С. Кунуз аль-захаб фи та'рих Халаб = Золотые сокровища в истории Алеппо. – Алеппо : Дар аль-Калам аль-Арабий, 1997. – 324 с. – Араб. яз.
- Звягельская И.Д.* Конфликты на Ближнем Востоке : тенденции и игроки // Восток (Oriens). – 2017. – № 3. – С. 16–24.
- Козинцев А.С.* Борьба за государство: сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 223–240. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11>
- Кудряшова И.В.* Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2017. – № 4. – С. 349–365. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-349-365>
- Кузнецов В.А.* Парадоксы развития арабских политических систем // Ближний Восток в поисках политического будущего : коллективная монография. – М. : ИВ РАН, 2019. – С. 107–135.
- Метаморфозы разделенных обществ : монография / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. – М. : МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.
- Наумкин В.В.* Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 67–80. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06>
- Патцельт В.Д.* Исследуя историю : очерк эволюционной морфологии // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 67–83.
- Серебров С.Н.* Военный конфликт и идеологическая борьба в Йемене // Ближний Восток в поисках политического будущего : коллективная монография. – М. : ИВ РАН, 2019. – С. 272–318.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Akarli E.D.* The long peace: Ottoman Lebanon, 1861–1920. – L. ; N.Y. : Centre for Lebanese studies and I.B. Tauris, 1993. – 288 p.
- Ali Abou-El-Haj R.* Formation of the modern state: The Ottoman empire, sixteenth to eighteenth centuries. – Syracuse : Syracuse university press, 2005. – 183 p.
- Atmaca M.* Three stages of political transformation in the 19th century Ottoman Kurdistan // Anatoli: de l'Adriatique à la Caspienne territoires, politique, sociétés. – 2017. – P. 43–57. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/anatoli/602> (accessed: 18.12.2020)
- Andre R.* The great Arab cities in the 16th–18th centuries. – N.Y. : New York university press, 1984. – 171 p.

- Ayubi N.N.* Over-stating the Arab state: politics and society in the Middle East. – L. ; N.Y. : I.B. Tauris, 2008. – 514 p.
- Barkey K.* Empire of difference: the Ottomans in comparative perspective. – N.Y. : Cambridge university press, 2008. – 342 p.
- Barkey K.* Political legitimacy and Islam in the Ottoman Empire: lessons learned // *Philosophy and Social Criticism*. – 2014. – Vol. 40, N 4/5. – P. 469–477. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0191453714525389>
- Barkey K., Gavrili G.* The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy // *Ethnopolitics*. – 2016. – Vol. 15, N 1. – P. 24–42. – DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- Bartolini S.* Restructuring Europe: centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – Oxford : Oxford university press, 2005. – 444 p.
- Byman D.* Sectarianism afflicts the new Middle East // *Survival*. – 2014. – Vol. 56, N 1. – P. 79–100. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020743818000235>
- Farah C.E.* The sultan's Yemen: nineteenth-century challenges to Ottoman rule. – L. ; N.Y. : Library of Ottoman studies, 2002. – 327 p.
- Hinnebusch R.* Empire and state formation contrary tangents in Jordan and Syria // *Sovereignty after empire: comparing the Middle East and Central Asia* / S.N. Cummings, R. Hinnebusch (eds.). – Edinburgh : Edinburgh university press, 2011. – P. 215–229.
- Hopkins B.D.* Ruling the savage periphery: Frontier governance and the making of the modern state. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard university press, 2020. – 272 p.
- Karpat K.* The politicization of Islam: reconstructing identity, state, faith, and community in the late Ottoman state. – N.Y. : Oxford university press, 2001. – 544 p.
- Lederach J.P.* Building Peace. Sustainable Reconciliation in Divided Societies. – Washington, DC : United States Institute of Peace Press, 1997. – 208 p.
- Lieven D.* Empire: the Russian Empire and its rivals. – L. : John Murray, 2000. – 486 p.
- Lust E.* Layered authority and social institutions: reconsidering state-centric theory and development policy // *International Journal of Middle East Studies*. – 2018. – Vol. 50, N 2. – P. 333–336. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020743818000235>
- Makdisi U.* The culture of sectarianism: community, history, and violence in nineteenth-century Ottoman Lebanon. – Berkeley ; Los Angeles : University of California press, 2000. – 276 p.
- Mathee R.* The Safavid-Ottoman frontier: Iraq-i Arab as seen by the Safavids // *International journal of Turkish studies*. – 2003. – Vol. 9, N 1–2. – P. 158–173.
- Ochsenwald W.L.* Religion, society and the state in Arabia: The Hijaz under Ottoman control, 1840–1908. – Columbus, OH : The Ohio State university press, 1984. – 265 p.
- Rokkan S.* Dimensions of state formation and nation-building: a possible paradigm for research on variations within Europe // *The formation of national states in Western Europe* / Ch. Tilly (ed.). – Princeton ; New Jersey : Princeton university press, 1975. – P. 562–600.
- Salloukh B.F.* Overlapping contests and Middle East international relations: the return of the weak Arab state // *PS: Political science and politics*. – 2017. – Vol. 50, N 3. – P. 660–663. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1049096517000348>

- Saouli A. An Arab state: dilemma of late formation. – N.Y. : Routledge, 2006. – 161 p.
- Shaw S.P. History of the Ottoman empire and modern Turkey. – Cambridge : Cambridge university press, 1976. – 368 p.
- Strayer J.R. On the medieval origins of the modern state. – Princeton ; New Jersey : Princeton university press, 2005. – 112 p.
- Tilly Ch. How empires end // After empire. Multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., Hagen M. von. (eds.). – Boulder, CO : Westview press, 1997. – P. 1–11.
- Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic politics and armed conflict: a configurational analysis of a new global dataset // American Sociological Review. – 2009. – Vol. 74 – P. 316–337. – DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240907400208>
- Zürcher E.J. Turkey: a modern history. – N.Y.; L. : I.B. Tauris, 2003. – 432 p.

I.V. Kudryashova, A.S. Kozintsev*
Institutional solutions for sectarian conflicts
in the Middle East in the context of imperial legacy¹

Abstract. The article focuses on the nature of sectarian conflicts in the Middle East as well as ways to resolve this and possible transformations. We assume that the rising level of ethnic confrontation stems from the disruption of governance regimes established during the Ottoman Empire. Hence, the research question states as follows: are there any ways to use the imperial practices of ethnocultural diversity management as the institutional framework for the resolution of current sectarian conflicts? By applying a structural functional approach, we identify the political space of the late Ottoman Empire, its main elements and constellation. We show that the process of state-building in the Middle East resulted in the decay of social ties between local communities and the increase of ethnic violence. These claims are confirmed by comparative analysis of a number of conflicts. It is found that the institutional framework for conflict resolution in Arab states should be based on political devolution and power-dividing agreements. This allows to reset inactive imperial practices in order to mitigate violence and enhance legitimacy. We point out that among the various reforms designed to achieve harmonization of formal and informal political institutions are federalization, non-territorial autonomy, consociationalism and local governance.

Keywords: sectarian conflict; nation-state; ethno-cultural heterogeneity; the Middle East; imperial space; imperial governance; formal and informal institutions.

* **Kudryashova Irina**, Moscow state institute of international relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru; **Kozintsev Alexander**, Moscow state institute of international relations, MFA Russia; Institute of scientific information on social sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research RFBR according to the research project № 20–011–00922 A.

For citation: Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>

References

- Akarli E.D. *The long peace: Ottoman Lebanon, 1861–1920*. London, New York : Centre for Lebanese Studies and I.B. Tauris, 1993, 288 p.
- Ali Abou-El-Haj R. *Formation of the modern state: The Ottoman empire, sixteenth to eighteenth centuries*. Syracuse : Syracuse university press, 2005, 183 p.
- Atmaca M. Three stages of political transformation in the 19th century Ottoman Kurdistan // *Anatoli: de l'Adriatique à la Caspienne territoires, politique, sociétés*. 2017, P. 43–57. Mode of access: <https://journals.openedition.org/anatoli/602> (accessed: 18.12.2020)
- Andre R. *The great Arab cities in the 16th–18th centuries*. New York : New York university press, 1984, 171 p.
- Ayubi N.N. *Over-stating the Arab state: politics and society in the Middle East*. London, New York : I.B. Tauris, 2008, 514 p.
- Barkey K. *Empire of difference: the Ottomans in comparative perspective*. New York : Cambridge university press, 2008, 342 p.
- Barkey K. Political legitimacy and Islam in the Ottoman Empire: lessons learned. *Philosophy and social criticism*. 2014, Vol. 40, N 4–5, P. 469–477. DOI: <https://doi.org/10.1177/0191453714525389>
- Barkey K., Gavrili G. The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy. *Ethnopolitics*. 2016, Vol. 15, N 1, P. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- Bartolini S. *Restructuring Europe: centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union*. Oxford : Oxford university press, 2005, 444 p.
- Byman D. Sectarianism afflicts the new Middle East. *Survival*. 2014, Vol. 56, N 1, P. 79–100. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2014.882157>
- Farah C.E. *The sultan's Yemen: nineteenth-century challenges to Ottoman rule*. London, New York : Library of Ottoman Studies, 2002, 327 p.
- Hinnebusch R. Empire and state formation contrary tangents in Jordan and Syria. In: Cummings S.N., Hinnebusch R. (eds.) *Sovereignty after empire: comparing the Middle East and Central Asia*. Edinburgh : Edinburgh university press, 2011, P. 215–229.
- Hopkins B.D. *Ruling the savage periphery: Frontier governance and the making of the modern state*. Cambridge, Massachusetts : Harvard university press, 2020, 272 p.
- Huntington S.P. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2004, 480 p. (In Russ.)
- ibn Al-Ajami S. *Gold Treasures in the History of Aleppo*. Aleppo : Dar al-Qalam al-Arabi Publications, 1997, 324 p. (In Arabic)
- Karpat K. *The politicization of Islam: reconstructing identity, state, faith, and community in the late Ottoman state*. New York : Oxford university press, 2001, 544 p.

- Kozintsev A.S. A fight for the state: Syrian crisis through the lens of center-periphery relations. *Political science (RU)*. 2018, N 4, P. 223–240. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11> (In Russ.)
- Kudryashova I., Kharitonova O. (eds.) *Metamorphoses of divided societies*. Moscow : MGIMO-University, 2020, 284 p. (In Russ.)
- Kudryashova I. Contemporary Muslim political identity: the sacred text and social experience. *RUDN Journal of Political Science*. 2017, Vol. 19, N 4, P. 349–365 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-349-365>
- Kuznetsov V. Paradoxes of Arab political systems changes. In: Baranovsky V., Naumkin V. (eds.) *The Middle East in Search of a Political Future*. Moscow: IV RAN, 2019, P. 107–135. (In Russ.)
- Lederach J.P. *Building peace. Sustainable reconciliation in divided societies*. – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1997. – 208 p.
- Lieven D. *Empire: the Russian Empire and its rivals*. London : John Murray, 2000, 486 p.
- Lust E. Layered authority and social institutions: reconsidering state-centric theory and development policy. In: *International Journal of Middle East Studies*. 2018, Vol. 50, N 2, P. 333–336. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020743818000235>
- Makdisi U. *The culture of sectarianism: community, history, and violence in nineteenth-century Ottoman Lebanon*. Berkeley, Los Angeles : University of California press, 2000, 276 p.
- Mathee R. The Safavid-Ottoman frontier: Iraq-i Arab as seen by the Safavids. *International journal of Turkish studies*. 2003, Vol. 9, N 1–2, P. 158–173.
- Naumkin V. Right-sizing and right-peopling: the Middle East challenges. *Polis. Political Studies*. 2019, N 6, P. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06> (In Russ.)
- Ochsenwald W.L. *Religion, society and the state in Arabia: The Hijaz under Ottoman control, 1840–1908*. Columbus, OH : The Ohio State univ. press, 1984, 265 p.
- Patzelt W. Reading history: an outline of evolutionary morphology. *Political science (RU)*. 2012, N 4, P. 67–83. (In Russ.)
- Rokkan S. Dimensions of state formation and nation-building: a possible paradigm for research on variations within Europe. In: Tilly Ch. (ed.) *The formation of national states in Western Europe*. Princeton : New Jersey : Princeton university press, 1975, P. 562–600.
- Salloukh B.F. Overlapping contests and Middle East international relations: the return of the weak Arab state. *PS: Political science and politics*. 2017, Vol. 50, N 3, P. 660–663. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1049096517000348>
- Saouli A. *An Arab state: dilemma of late formation*. New York : Routledge, 2006, 161 p.
- Serebrov S. Military conflict and ideological struggle in Yemen. In: Baranovsky V., Naumkin V. (eds.) *The Middle East in Search of a Political Future*. Moscow : IV RAN, 2019, P. 272–318. (In Russ.)
- Shaw S.P. *History of the Ottoman empire and modern Turkey*. Cambridge : Cambridge university press, 1976, 368 p.

- Strayer J.R. *On the medieval origins of the modern state*. Princeton, New Jersey : Princeton university press, 2005, 112 p.
- Tilly Ch. How empires end. In: Barkey K., Hagen M. von. (eds.) *After empire. Multi-ethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, CO : Westview Press, 1997, P. 1–11.
- Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic politics and armed conflict: a configurational analysis of a new global dataset. *American sociological review*. 2009, Vol. 74, N 2, P. 316–337. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240907400208>
- Zürcher E.J. *Turkey: a modern history*. New York, London : I.B. Tauris, 2003, 432 p.
- Zvyagelskaya I. Conflicts in the Middle East: trends and actors. *Vostok (Oriens)*. 2017, N 3, P. 16–24. (In Russ.)